

ТОЛЬКО ЭСКИЗЫ

Письмо из Риги

Старый художник сидел, склонившись над эскизом. На столе в беспорядке лежали законченные и начатые рисунки мебели: изящные платяные шкафы, буфеты, гарнитуры, небольшие спальные. Оторвавшись от работы, И. Петрович Вильнер-раг осматривался по цели визита. Что ж, если кого-нибудь интересуют его эскизы, он готов познакомиться...

Подчеркнуто вежливый, деловой тон вызвал опасение, что беседа примет сухо-официальный оттенок. Но уже через минуту холики квартала, оживившись, с увлечением говорили о любимом деле, торжественно открывая дверцы вышнего шкафа, извлекали оттуда папки с множеством рисунков. Беглые наброски, любовно выписанные детали воссоздавали историю смеявшихся друг друга стилей мебели.

Перебрав пожелтевшие листы эскизов, художник возвращался мысленно к дням молодости, говорил о своих первых шагах в избранной профессии. Осторожно разглаживая чуть помятый ватмановский лист с поблекшим рисунком старинного кресла, он, молодое подбегая глазами, говорил: — Прекрасная работа! Я зарисовал это кресло в Эрмитаже. Русские мастера создали свой стиль ампир: благородный, ясный.

Беседа с художником живо напоминала мне горькие сессии автора книги, изданной в Москве в 1939 году, «Стиль в мебели» — писал он. «На русское эскизы», — писал он. — «На сих пор нет только специальных монографий по различным разделам мебели, но и общих обзорных обзоров, наполнявших общественное здание и жилище дома в разные эпохи... Широкому читателю хорошо известны имена и произведения выдающихся художников кисти и скульптуры, хуже — имена эскизистов и очень плохо или совсем неизвестны имена тех мастеров, искусство которых мы обязаны предметами окружающей обстановки».

Упреки заслуженный! Тем досаднее, что издательство Академии архитектуры, выпустив почти 15 лет назад эту книгу и побуждая читателей дать «серьезно изданию, посвященным предметам обихода», так и не выполнило своих намерений. Премником по выпуску книг этого раздела ныне стало издательство литературы по строительству и архитектуре Государственного комитета Совета Министров СССР по делам строительства. Но и здесь пока не выпущены книги о мебели. А нужда в такой литературе большая. Давно назрела необходимость обобщить опыт советских художников-мебельщиков, работающих разрозненно, обсудить вопросы, связанные с созданием новых моделей обиходных предметов, сообразных прекрасному архитектурному облику новых жилых зданий, созданных советскими зодчими.

Но вернемся к прерванной беседе с И. Петровичем. Он показал несколько интересных, только что законченных им моделей: остроумно сконструированный небольшой платяной шкаф с выдвижными туалетным столиком, очень удобный, негромоздкий письменный стол, соединенный с книжными полками. По желанию можно легко откидывать доску письменного стола, освобождая площадь в комнате. Прекрасно гармонизировал по пропорциям и стилю с этими вещами низкий мягкий диван и другие предметы обстановки.

Мысленно рисовалась комната, обставленная этими изящными необходимыми вещами. Они не лежали напольно в глаза, не загораживали комнату, придавали ей уют, радуя глаз мягкой округлостью и простотой линий.

Все вместе взятое представляло собой гармоничную обстановку однокомнатной и двухкомнатной квартир. Ничего лишнего, все самое необходимое.

— Почему же этих вещей не делают? — И. Петрович не ответил. Собравая всячески, он неопределенно заметил: — Поищу в кюльбят. Покажу директору, что я тут натворил.

В то же художника слышались невысказанная обида, сожаление.

Директор 1-го Рижского мебельного комбината Эдуард Юане в прошлом был радио-

вым рабочим-мебельщиком на небольшой фабрике, принадлежавшей одному из рижских коммерсантов. На глазах Э. Юане фабрика выросла за годы советской власти в крупный комбинат. Старое, примитивное оборудование сменялось новейшими станками отечественного производства.

Древнее искусство рижских мастеров-мебельщиков ныне бурно развивается. В сравнении с 1946 годом производство мебели только по тресту «Латмебель» возросло в три с половиной раза, а к 1954 году возрастет еще вдвое. Вместо маленьких мастерских выросли корпуса больших фабрик и комбинатов. Изделия латвийских мебельщиков получили такой широкий спрос, о котором и не мечтали краснодеревщики. Москва предлагала латвийским фабрикам выпускать только высококачественную художественную мебель. Предприятия стали получать драгоценные породы деревьев: красное, лимонное, орех, карельскую березу.

Очень красивые столовые гарнитуры с художественной инкрустацией, спальные светлые тоны, кабинеты — их выпускает 1-й мебельный комбинат. Можно часами наблюдать, как оживает под руками мастеров золотистая карельская береза, как проступают на красном дереве рубиновые переливы или расцветает причудливый узор на полированной глади ореха.

Года два-три назад на комбинате по инициативе Э. Юане был создан экспериментальный цех. Предполагалось, что опытные краснодеревщики в сотрудничестве с художниками станут создавать здесь новые модели, разрабатывать образцы красивой, удобной, недорогой мебели. Нужное, хорошее дело! Какая же судьба постигла этот цех?

Э. Юане досадливо машет рукой: — Нет цеха. Он уже не существует.

Утратив присущую ему сдержанность, директор комбината заговорил оживленно, разрастательно. Он рассказывал, как неимоверно осложнено оформление новых образцов, какой извилистый, бесконечный долгий путь проходит новая модель, даже если это подставка для цветов или пеналка. Сначала модель попадает на рассмотрение художественно-технического совета Министерства лесной и бумажной промышленности СССР. Но и после того, как скромный письменный стол или ящик не примечательный платяной шкаф подвергнутся всеобщему обсуждению и рассмотрению членов совета, модель не получает путевки в жизнь, ибо совет, по существу, лишь права утверждать образцы. Далее модель рассматривают в Академии архитектуры и в других организациях, длительное время она путешествует по многочисленным инстанциям. Так процесс утверждения образца столового гарнитура (артку 30), созданного 1-м Рижским комбинатом, затянулся до года. Еще более длительное время заняло путешествие по различным инстанциям образца буфета «Даугава».

Многие замечательные замыслы остаются нерализованными. Так, например, комбинат № 1 представлял на конкурс, организованный Главлембумпромом, до 30 образцов мебели. Авторы восьми из них — старейший Трейманис, Карлиньш, инженер Упманис и другие — получили премии. Но модели так и не пошли до потребителей. И это тогда, когда в продаже нет многих и многих необходимых вещей обихода!

Директор мебельных магазинов приходится выслушивать немало справедливых нареканий покупателей. Вот далеко не полный перечень этих претензий. В течение последних 5—6 лет местная промышленность выпускает только один новейший уже тип тахты «Лира». Эта «Лира» расстлана на просторную комнату, для перевозки в контейнерах она не годится — велика. Но других в продаже нет. Нет кушетки и детской мебели. Нет и недорогих гарнитуров для небольшой квартиры или комнаты, тех гарнитуров, что довелось нам увидеть лишь в эскизах на столе у И. Вильнера.

Надо ли после сказанного пояснять, чем были вызваны нотки сомнения и обиды у старого художника.

В. ЕЛИСЕЕВА

В МИРЕ СОВЕТСКОЙ НАУКИ

Борьба за здоровое сердце

Борьба за продление жизни человека, советские ученые ищут пути для ликвидации в первую очередь тех болезней, которые носят наиболее распространенный характер. К их числу относятся атеросклероз, различные фазы которого известны как инфаркт миокарда, грудная жаба, кровоизлияние в мозг, сердечная недостаточность и т. п.

Каких успехов добились в последние годы советские ученые в лечении этих заболеваний, каковы перспективы борьбы с атеросклерозом? С такими вопросами корреспондент «Литературной газеты» обратился к выдающемуся деятелю советской медицины профессору В. Н. Виноградову.

— Важность функций, выполняемых сердечно-сосудистой системой, — сказал он, — вряд ли нуждается в объяснении. Нарушение деятельности сердца и сосудов влечет за собой недомогание, снижает работоспособность, а в более серьезных случаях ведет к заболеваниям, вызывающим тяжелые последствия.

Опираясь на достижения передовой советской науки, ясно представляя себе материальную сущность процессов, которые совершаются в живом организме, наша медицина добилась немалых успехов в ликвидации многих болезней. Даже туберкулез перестал быть таким грозным врагом, каким он был еще два десятилетия назад. Этому способствовали не только различные препараты (ПАСК, стрептомицин, фтиазид), но и в первую очередь развернутая система оздоровительных мероприятий. Пенициллин и другие антибиотики стали прочной преградой для такого распространенного заболевания, как воспаление легких (пневмония), которое теперь не страшно даже людям преклонного возраста: смертность от воспаления легких сведена почти к нулю.

Мы уверены в возможности получения таких же успешных результатов и в борьбе с атеросклерозом. Известные успехи в этой области имеются: смертность от инфаркта миокарда за последние двадцать лет снизилась почти в три раза.

Развитие идей академика И. П. Павлова и других корифеев отечественной науки помогло советской медицине по-новому подойти к пониманию многих внутренних болезней, в том числе и атеросклероза. В новом свете предстала перед нами, в частности, проблема инфаркта миокарда. Он происходит, как мы полагаем, не только потому, что изменились сосуды сердца, но и в результате нарушения нормальной функционирования центральной нервной системы. Сердечно-сосудистые заболевания, несомненно, определяются теми изменениями, которые происходят в центральной нервной системе. Глубоко изучит эти связи — насущная задача медицинской науки.

Когда мы говорим о борьбе с заболеваниями сердечно-сосудистой системы, мы прежде всего имеем в виду мероприятия предупредительного характера. Их осуществление было бы немиссимо без широкого проведения советским государством оздоровления труда и быта.

Принципы профилактики, которыми руководствуется советское здравоохранение, изменили и задачи, стоящие перед врачами. Их обязанность ныне не ограничивается оказанием лечебной помощи. Высококачественная роль советского врача выражается и в том, что он помогает здоровому человеку предотвратить от того или иного заболевания. Особенно важна эта роль врача в борьбе с атеросклерозом, возникновение и развитие которого часто зависят от неправильного образа жизни. Врач должен быть советником по самым сокровенным вопросам, включая сюда гигиену личной жизни, выбор времени и места для проведения отдыха, рекомендации приемов гимнастических упражнений и многое другое.

К числу профилактических мер, осуществляемых советским здравоохранением, относится диспансеризация — мощное средство предупреждения заболеваний сердечно-сосудистой системы. Можно привести такой пример. На одном московском за-

воде дирекция, по представлению поликлиники, влое удлинена обешенный перерыв работников, страдавших гипертонией. Кроме того, им были предоставлены места в ночном санатории предприятия. С помощью таких простых средств удалось восстановить трудоспособность и значительно повысить производительность труда этих работников. Личная гигиена имеет большое значение для предотвращения атеросклероза.

Должен сообщить об исключительном вреде курения. Главное зло от никотины заключается в том, что он способствует перевозбуждению нервной системы и вызывает склонность к спазмам сосудов. А это, в свою очередь, является одной из причин возникновения атеросклероза. Так, инфаркт миокарда происходит очень часто именно у заядлых курильщиков.

Исследования советских ученых опровергли существовавшее ранее точку зрения на природу заболеваний сердечно-сосудистой системы. Считалось, а многие иностранные ученые и сейчас полагают, что эти заболевания относятся к болезням возраста, что они являются неизбежным следствием «естественного» изменения стенок сосудов. Спорят нет, возрастные изменения тканей имеют существенное значение в деятельности организма. Но не эти изменения вызывают атеросклероз. Советские ученые доказали, что он представляет собой болезнь обмена веществ. А раз так, значит этот болезненный процесс не только может быть приостановлен, но и предотвращен. Большие тоды, советские ученые доказали возможность уменьшения атеросклероза, конечно, в известных пределах. Важные исследования проводятся в лабораториях академика Н. Анчикова, где расширяются механизмы развития указанного процесса.

Показательны также опыты проф. А. Мясникова и его сотрудников. Они сначала искусственно вызвали у животных атеросклероз, а затем лечили его с помощью различных препаратов (из цитовидной железы; мужского полового гормона), аскорбиновой кислотой, большими дозами воды и т. д., что давало благоприятные результаты. Эти опыты открывают новые пути лечения сердечно-сосудистых заболеваний и в клинике.

Поскольку установлено, что атеросклероз есть болезнь обмена веществ, постольку устранение нарушений этого обмена приобретает исключительное значение. Вот почему мы уделяем такое большое внимание правильному режиму питания. И в этой области советской наукой достигнуты определенные результаты, указывающие, какие именно вещества надо включать в рацион питания для того, чтобы задержать развитие болезни.

Всякое заболевание важно обнаружить в самом его зачатке. Чаше всего, к сожалению, нарушение обмена веществ устанавливается тогда, когда лечение уже затруднено. Между тем вполне возможно распознать нарушения обмена веществ значительно раньше. Одним из сигналов служит увеличение содержания в крови холестерина, отложения которого в стенках сосудов крайне вредно для здоровья. Заслуживает всяческой поддержки предложение Б. И. Ильинского (Ленинград) о том, чтобы в лечебных учреждениях исследование крови на содержание в ней холестерина производилось столь же систематически, как это делается в отношении состояния легких (рентгенография), кровяного давления, состава мочи и т. п.

Все эти данные показывают, что в борьбе с заболеваниями сердечно-сосудистой системы мы значительно продвинулись вперед. Однако перед советскими учеными стоит неотложная задача — разрешить ряд важных проблем в этой области, в частности, необходимо дальнейшее изучение холестерина и его обмена в организме.

Нет сомнения, что советской медициной в самое ближайшее время будут созданы весьма эффективные методы борьбы с болезнями сердца и сосудов.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ВИДЕТЬ БУДУЩЕЕ!»

Под таким названием 11 июня 1953 г. в «Литературной газете» был опубликован очерк. В очерке говорилось, в частности, о причинах, тормозящих техническое обучение на Уралмашзаводе.

Этому же вопросу было посвящено письмо мастеров Уралмашзавода «Непонятная экономика», опубликованное в «Литературной газете» 25 июня с. г.

В ответ на критические замечания, высказанные в очерке и в письме группы мастеров, министр транспортного и тяжелого машиностроения СССР тов. И. Носенко

сообщил редакции, что материалы «Литературной газеты» правильно ставят вопрос о недостатках в организации технического обучения на Уралмашзаводе. Министр дал указание директору завода тов. Виноградову немедленно принять меры к улучшению условий учебных занятий.

Директор Уралмашзавода тов. К. Виноградов в своем письме в редакцию признал правильную критику «Литературной газеты» в его адрес и сообщил о принятых им мерах для расширения контингента учащихся на заводе в 1953/1954 г. и создания нормальных условий для их занятий.

КАШИНСКИЙ КУРОРТ

В двухстах километрах от Москвы, на окраине старинного города Кашина Калининской области, около семидесяти лет существует бальнеологический курорт. Из Москвы, Ленинграда, Калининграда, Кашини и ряда других мест сюда приезжают люди, страдающие заболеваниями суставов, малокровием, болезнями центральной и периферической нервной системы, нарушением обмена веществ. В прошлом году здесь лечились и отдыхали около трех тысяч трудящихся — жители семидесяти областей страны.

Особенно широкую известность курорт получил в послевоенные годы, когда были открыты новые источники минеральных вод, содержащие минеральные соли и железо. Суточный дебит их — более трехсот тысяч литров. Кроме того, здесь с успехом применяется лечение минерализованным торфом, а в ближайшее время вводится лечение сероводородными иловыми грязями.

Курорт расположен на берегу полноводной реки Кашички. Вечерами в красном здании нового клуба можно послушать хороший концерт, лекцию, посмотреть кинофильм.

Работы по дальнейшему расширению Кашинского курорта продолжают. Сейчас, например, бурится новая скважина. Эффективное лечение многих заболеваний на этом курорте открывает ему большое будущее.

НА СНИМКЕ: группа курортников на берегу Кашички; москвичи — инвалиды Отечественной войны П. Капустин и грузин К. Иванов; монтер А. Романов из города Кушнина Калининской области; дорожный мастер Е. Кремнев из Новгородской области; рабочий одной из московских баз кожаной промышленности С. Фомин; лесоруб В. Архипов из Ивановской области и инвалид Отечественной войны С. Широков из Ленинграда.

ФЕЛЬЕТОН

О чувствах человеческих...

(Открытое письмо товарищу Ананко)

Одесская областная газета «Знамя коммунизма» недавно напечатала лирическое стихотворение украинского поэта Евгения Бандуренко «Веточка» в переводе на русский язык А. Уварова. Вот это стихотворение:

Утром под горою у села
стал шofer поить свою машину —
девушка цветы домой несла —
выпросил он веточку жасмина.

И вложил в петличку поджаренную.
Благоволила девушка героя.
Он стоял, смотрел издаലെка:
чья она, такую дверь откроет?

Прочитав эти лирические строки, работники Одесского областного управления культуры К. Ананко почему-то вознегодовали: каное, дескать, право имеет газета печатать лирические стихи «в окружении серьезного материала»? Свое неудовольствие т. Ананко изложил в письме на имя редакции газеты «Правда Украины», где в пух и прах разнес вышперивденное стихотворение. «Что за девушка, которая уносит лишь с букетом домой возвращающегося», — сурово вопрошал автор письма и далее разъяснял: «...шoferу, видимо, нужно выполнять свое производственное задание, не допуская простой колхозной или государственной машины...», а он, видите ли, развлекается с девушкой. И, наконец, т. Ананко грозно спрашивает: «Что это за люди встретились в нашей советской действительности?»

Товарищ Ананко! Допустим — мы правы. Допустим, шofer — и лентяй и протак. Давайте по-нашему дело поправим. Давайте стихи передадем так:

«Однажды шofer, заправляя трехтонку,
Заметил девушку с букетом цветов.
— Откуда цветы раздобыла, девушка? —
Он грозно спросил: — Из колхозных садов?»

Девушка ему отвечала на это:
Жасмин, мол, в саду приусадебном рос!
Тогда предождала ей водителю анекдот,
Где был сто один сверхприбыльный вопрос.

Взял девичий паспорт, проверил прописку,
В обмен предвдал документы свои.
А к вечеру в форме служебной записки
Письмо написал по вопросу любви.

К утру телеграмма пришла от давнишней
(Пусть критик, а также бухгалтер учтет):
Поскольку простой был колхозной машиной,
Беру это дело на собственный счет!»

Товарищ Ананко! Теперь вы довольны? Шofer деловит, далеко не протак... Однако вопрос возникает невольно: Неужто мы сами знакомы так?

Неужто вы так-таки век свой прожигали
Без теплого слова, любви и мечты?
Неужто ни с кем никогда не дружили?
Неужто всегда презирали цветы?

А когда под вечер лунный свет
широко разлился по долине,
парень давушки провалы стелет,
ола помешавшийся в кабине.

Девушка зарделась, точно мак:
— Ну зачем? — с трудом проговорила.
А шofer:
— То распустилась так веточка, что ты мне подарила!

Не думаю! Хочется верить мне в это,
Что в жизни у вас по-иному былось.
И не потому учили поэту
Вы столь громовой и суровый разнос.

Вы просто привыкли к издевательству,
К стихам без поэзии, без огики.
Хоть трудитесь вы в управлении культуры,
Пока что от вас далека.

Враждебным, весьма осуждающим взором
На лирику смотрите вы, а роман:
Мол, был бы Евгений Олегиев шoferом,
Не стал бы вылабывать в замужних Татьян.

Мол, если в руках у шопера баранка,
Примеч тут девчонка, примеч тут букет...
Стихи критикуют, товарищ Ананко,
За то, в чем действительно грешен поэт.

Но критика ваша, слова укормизм,
Которые мне огласить суждено,
Направлены против поэзии жизни,
А это уж, попросту скажем, — смешно.

Писать про любовь запрещая поэтам,
Ставить вину, к сожалению, вкруг
Сатиры весьма подходящим предметом.
На том — до свидания.

Борис ПАЛИЙЧУК
(«Правда Украины» от 10 июля 1953 г.)

В МАЛЕНЬКИХ ГОРОДАХ

Встречи

«Углич — сонный городок...» Так пятьдесят лет назад писал о нем безвестный автор, видимо, большой поклонник старинных легенд и с горечью отмечая: «Углич в Угличе выходит газета и мечтают о железной дороге. Но эти заволашеванные современности кажутся анахронизмом. Слава пророча, и не верится, что на старом печенье расцветет снова жизнь».

Эти слова автор иллюстрирует снимком древнейшей части города: справа протекает река, в пологий берег уткнувшись носами старые рыбацкие плоскодонки, рядом с ними — две тележки, груженные сеном; слева с горки спускается зигзагами деревянная лестница с перилами; вперед выдвигаются носы куполов большой церкви; рядом с ней еще две церкви — помельше. Улиц и жилых домов было очень мало. Действительно, сонный уголок!

Я решил взять с собой эту фотографию, чтобы найти точку, где пятидесять лет назад стоял трезубиком фотоаппарата, и посмотреть, как выглядит это место сейчас.

В Углич я приехал под вечер. В городской гостинице (это деревянный, но просторный и светлый дом) мне сказали, что все номера заняты. Я не поверил: «Неужели столько приезжих?»

Пришлось поспешить в гостиницу угличской ГЭС. Здесь нашлось одно свободное место. Мои соседи по комнате оказались командированные из Москвы, Ленинграда и Пензы. Однако ж много гостей в Угличе!

Утром я пошел в горисполком. На улицах — ни травяного зонтика, ни гуляющего.

Председатель горисполкома Константин Константинович Белоусов, невысокий, плотный человек с той неуловимой хитринкой в глазах, которая так встречается у людей хозяйственных, меньше всего хвалил свой город.

— Что сделано, сами увидите, — говорил он, — а вот чего нам не хватает... И начал перечислять: нет театра, тротуары не асфальтированы, денег на благоустройство города отпускают мало...

— Триста пять тысяч рублей! Только и хватит на постройку мостовых. Вылез у нас стало много. За три года появилось больше десяти: Шевченко, Боровая, 2-я линия Ленинского шоссе. Правда, в этом году опять прибавились пятьдесят тысяч. Каждый год прибавляют. А сказать по совести, лет шесть назад мы бы и триста тысяч не одолели, отказались бы, а теперь научились деньги тратить...

Стерев ладонную улыбку, Белоусов начал рассказывать об Угличе и Угличском районе, о том, что он сейчас поря считают районом только сельскохозяйственным. В городе несколько заводов: механический, точных технических камней, сырдельный, есть центральная база оборудования, электростанция и научно-исследовательский институт всеозонного масштаба.

Я показал Белоусову фотографию старого Углича. Он сказал, что это, наверное, церковь Воскресения, а откуда снята, — не знает.

— Покажите снимок дворнику Дома крестьянина Сергею Павловичу Печенину, он старожил, — посоветовал председатель. — Можете, вспомните... Повстречаетесь с ним депутатом, начальником шлоза Братцовым. Тоже старожил, его двадцать лет подряд избирают в горсовет.

Вечером я зашел к Братцову домой. Его жена сказала, что он уехал на левый берег, к старому инвалиду, который пролил леса на ремонт дома. Что ж, увидимся в следующий раз.

В Доме крестьянина я встретил старика с аккуратно подстриженной, белой бородой. Это и был семидесятишестилетний дворник Сергей Павлович Печенин. Он долго разглядывал фотографию, поворачивая ее к себе на колени. Казалось, дворник заблуждался.

— Тихо было, — проговорил он задумчиво. — А где это сито, вспоминал. Может, церковь Воскресения, а возможно, и «На крови царевича».

Старик снова посмотрел на фотографию и сказал: — Ты покажи эту картинку нашему депутату Братцову. Мы вместе с ним крошечными работами. Он девять лет, а я пятнадцать. Может, Николай Иванович и припомнит — он помоложе, память покрепче. — Печенин по-стариковски шумно и глубоко вздохнул. — Да-а, тихо было, спокойно. А теперь один велосипедов сколько...

Дворник был прав — велосипедистов в Угличе, в самом деле, очень много. Машины всех марок и размеров, женские, мужские и детские, снуют, особенно вечером, по тротуарам, аллеям и лишь изредка по мостовой — она булыжная. В городе зарегистрировано около тысячи велосипедов, да столько же (здесь нет милишеских постов) наберется «беспаспортных». Немало личных автомобилей «Победа» и «Москвич», мотоцилов. Да, пожалуй, Углич никак не назовешь тихим, сонным!

Центральная площадь Углича — площадь Коммуны, замощенная булыжником, — просторна и красива. В середине — сквер, памятник Ленину. Если стать спиной к Волге, то перед глазами ввероятно откроются главные улицы. Вот улица имени Ленина — широкая, прямая; она тянется чуть ли не до вокзала и механического завода, слева до настальштет мосток поднимается вверх, выходя Ярославская улица; а пожарная каланча на ней, и потемневшие от времени деревянные дома — полная противоположность улице имени Карла Маркса, идущей вправо, к зданию угличской ГЭС. Тут стоят самые многочисленные, светлые дома.

Углич — город резких контрастов. Здесь можно встретить рядом подслеповатый деревянный домик, которому может быть, два-три века от роду, и новый каменный, шестиконный корпус с еще не высохшей штукатуркой; увидеть в зеленом угличском Кремле глубокий залесенный ров, и тут же по соседству — заземленный ровный берег реки.

В конце довольно длинной улицы, где возвышается клуб имени 30-летия ВЛКСМ, за городской стеной, я свернул на зеленую, но еще не дающую тени аллею из

деревьев-трехлеток. Она привела к заводу точных технических камней. Его директор Николай Алексеевич Никонов показал мне альбом заводской продукции. Альбом был мал, а продукция в тысячу раз меньше — с трудом разглядывая в микроскоп. Все это, изготовленную сотнями рабочих рук, легко уместить в кармане. Так мелки эти рубиновые детали.

Завод утопает в зелени. Шесть лет назад на пустыре были посажены первые фруктовые деревья; нынешней осенью они дадут первые плоды. Директор замечает:

— Боюсь только за яблоки: народ у нас молодой, появятся плоды, могут ветки обломать...

— А вы огородите сад...

— Нельзя. Идея пропадет... Совсем недавно завод только собирал часы из привозных деталей и ставил свои рубины — точные технические камни (смотри на циферблате часов «Звезда» слова: «ТТК-Углич»). А теперь завод начнет делать часы полностью. Готов конвейер, на котором будут собираться точные механизмы из деталей не привозных, а изготовленных здесь же, этаким, двумя янже.

Рядом с заводом ТТК, ближе к Волге, раскинул свои корпуса знаменитый угличский сырдельный завод. В мире нет таких предприятий. Здесь изготавливают до тридцати наименований сыров, которые по специальным заказам идут в Москву, Ленинград, во многие уголки земного шара. В цехах все механизировано. Но беспокойный сосед завода — Всесоюзный научно-исследовательский институт сырдельный постоянно воюет одно новшество за другим. Не так давно начал работать цех, где добывают горьковато-соловчатый-сладкий порошок — молочный сахар — очень важный продукт для пенциллиновой промышленности.

В город я возвращался по набережной, приглядываясь к незнакомым местам: может быть, отсюда делал свой снимок старый фотоаппарат? Черные якорные цепи тянулись вдоль берега, отделяя реку от пешеходной тропы. На обрывистой круче возвышались кирпичные колонны нового здания научно-исследовательского института сырдельный; на берегу стоял белый корпус городской больницы, а дальше выстроились в ряд жилые дома. Я взглянул на фото. Нет, не то место! И берег другой, и дома не такие.

У пристани познакомился с плотником жилищного отдела Иваном Сергеевичем Рулевым. Он собрался на рыбалку. Присели, закурили.

Рудель заметил, что даже коренные жители Углича теперь не очень любят, когда слишком часто называют город историческим, древним. Они растят его новую славу — советскую, и эта слава радует их. О прошлом города плотник сказал так, как говорит человек, которому надоело одно и то же:

— Ну, хорошо, музеи, церкви, девятьсот шов пошел нам. Сколько книжек об этом написано!.. Только разве все это сравнимы! — Он посмотрел в сторону новых улиц, на железобетонную громаду ГЭС, на шестнадцатиметровую арку шлоза.

— Воскресенье. Все закрыто, все отдыхает. Но именно в этот день особенно ярко видишь, как заболит в Угличе относятся к детям. Рядом с площадью Коммуны для них устроен садик. В праздник дети заполняют раскиснувший навал Волгой зеленый городской сад. Им предоставляется бесплатно все: красивые беседки, гигантские скачки, оригинальный конструктор карусель.

Впечатление такое, что город живет для детей. В маленьком Угличе десять детских садов, пять яслей, два детских дома, Дом малышей. А когда не хватает и этих помещений, здесь, не задумываясь, «обжигают» взрослых. На улице Карла Маркса стоит широкий четырехэтажный дом. Его называют «стокартинным», хотя в нем всего девятно жилых квартир, а в остальных десяти разместились детские учреждения.

В этот воскресный день я, наконец, встретился с Николаем Ивановичем Братцовым. Мы встретились на шлозе. Думал, увижу старика, а предомой оказался крепкий, охотливый человек в синей морской форме. Когда он улыбался, на редкость белые и ровные зубы лучше всего говорили о здоровье бывшего крошечника, а теперь начальника шлоза.

Николай Иванович также считал излиянием «распространяться» о далеком прошлом. Это и понятно. При нем рос новый город, росли новые люди, а это куда интереснее. Он одним из первых делал все, чтобы древний Углич, «сотканный из легенд», пошел вперед. На глазах Братцова (и с его участием) пошосные мастерские при постройке ГЭС превратились в крупный механический завод с огромными цехами. Когда-то и Братцов мечтал о железной дороге, потому что катастрофически мешала Волга. Теперь и Волга пополнила и железная дорога есть. Она выросла в магистраль из подпольных путей к строительству.

На «старом пеннице» расцвела новая жизнь!

— Мы любим свой Углич, — говорит Николай Иванович, — и каждый хочет сделать его лучше. Я-то вижу: рабочие сажают деревья на улицах; водники постоянно заботятся о внешнем виде пристани, чтобы, не рожая чаш, пассажир парохода не отозвался плохо о городе; железнодорожники мечтают отделить вокзал «по вкусу горожан, с паркетными полами».

Мы прохаживались по территории шлоза. Братцов говорил: — Вот здесь мы в прошлом году поставили новые машины, а на дамбе посадили липы... Там развели шкетники...

Николай Иванович был одним из руководителей стройки, а 22 сентября 1941 года, отозванный с фронта, пропустив через шлоз первое судно «Гоголь». Тогда мало было техники, и участок обслуживали 149 работников; сейчас вахту несут восемь человек.

Мы поднялись на арку шестнадцатиметровой высоты. Отсюда хорошо виден весь город. В центре его стоят старые дома аперемежку с новыми, а на окраинах поднимаются только новые и высокие. Город окружен зеленым обручем лесов. В них любил охотиться Некрасов, о них увлекательно рассказывал наш современник Пришвин.

Я показал Николаю Ивановичу фотографию старого Углича и спросил, с какого места ее снимали. Он смотрел на фото, то на город. Потом поднял к глазам бинокль. И вдруг хорошо улыбнулся.

— Ну, понятно, почему вы не нашли места, откуда снимал фотоаппарат. Этого места просто нет! Там, где стоял фотоаппарат, теперь проходит суходорожный канал. Холм, что

ЧИТАТЕЛЬ ЖДЕТ...

«Читатель ждет этих книг» — под таким заголовком в «Литературной газете» от 4 июня была опубликована статья Вл. Орлова об издании «Массовой историко-литературной библиотеки». Идею выпуска такого рода библиотеки можно было бы только приветствовать, если бы ее осуществление не вызвало ряда сложных вопросов.

Как известно, популяризация в любой области той или иной научной дисциплины лишь в том случае окажется полноценной, если популяризаторы опираются на строго разработанные научные основы. Но как раз в области разработки ведущих вопросов истории и теории литературы мы пока еще не располагаем особыми успехами. Это отразилось в «Правде» в своей передовой статье от 9 июня «Преодолевать отставание литературоведения», указав, что Институт мировой литературы Академии наук СССР недопустил затянута подготовку «Истории советской литературы», что наши вузы не располагают учебниками ни по истории советской литературы, ни по истории русской литературы XIX века; что даже о крупнейших писателях у нас нет хороших монографий, а предприятия Института литературы Академии наук СССР еще до Отечественной войны издавали десятилетиями «Историю русской литературы» вот уже «несколько лет заперло на пятом томе».

В неудовлетворительном состоянии находится разработка вопросов теории литературы, марксистско-ленинской эстетики. Нет книг не только по истории эстетики, в частности, по эстетике великих революционных демократов, но и по теории социалистического реализма.

Вл. Орлов предполагает удовлетворить растущие запросы советского общества в пособиях по литературе выпуском массовой библиотеки, которая обобщит опыт, накопленный советскими литературоведением за 35 лет, и раскроет перед широким кругом читателей все богатства классической и советской литературы. Выполнение этой работы, по мысли Вл. Орлова, должно быть осуществлено дружными усилиями видных литературоведов и критиков, под повседневным наблюдением редакционной коллегии при Гослитиздате.

Нам же кажется, что эта задача послана институтам литературы Академии наук СССР, которые должны стать центрами научной литературоведческой работы.

Инициатор будущей научно-популярной библиотеки оговаривается, что авторы такой могут не претендовать на освещение всех вопросов истории литературы, ограничившись тем, главнейшими явлениями литературного процесса, «которые имели решающее значение и в наибольшей мере ознакомили исторические судьбы русской литературы». Однако и самый отбор «главнейших явлений» истории литературы является, без сомнения, весьма серьезной задачей советского литературоведения.

В целях облегчения задачи создания «Библиотеки» Вл. Орлов считает также возможным, раскрывая пути развития русской литературы, не касаться биографических данных о том или ином рассматриваемом классике, ограничившись «наиболее значительными фактами и эпизодами самого литературного процесса». То есть Вл. Орлов, по сути дела, предлагает не останавливаться на рассмотрении реального, в свете биографических данных, образа писателя, непосредственных условий, в которых складывалось его мировоззрение, протекли связанные с ним «литературные процессы».

Поллагая не обязательными критико-биографические данные об И. С. Тургеневе, Вл. Орлов рекомендует для «Библиотеки» две книги, посвященные «Запискам охотника» и борьбе русской литературы за расширение «народной», а также «Воспоминания Тургенева и русской жизни 1840—1870 годов». При этом автор статьи прибегает к мило о нем говорившей в данном случае ссылке на «литературный процесс». «В этих книжках (о Тургеневе), — пишет он, — речь пойдет о самом литературном процессе, о таких его явлениях, которые в свое время сыграли громадную общественно-историческую роль».

Вл. Орлов намеревается привлечь в круг авторов «Библиотеки» писателей советского времени и предоставить, например, К. Фели-

ну возможность поделиться с читателями своим «творческим опытом» в особой книжке раздела «Труд писателя».

Не ясно ли, что цель, здесь преследуемая, может быть достигнута при условии выпуска целого ряда книг, а еще лучше — сборника высказываний о своем творческом труде видных деятелей литературы нашего времени. Социалистический реализм, как известно, предполагает широкое проявление творческой инициативы, выбор разнообразных форм, приемов, стилей и т. д.

Вызывает возражение и то обстоятельство, что в серии, посвященной советской литературе, автор статьи находит, видимо, возможным вовсе не касаться великой русской советской литературы в жизни литературы братских народов. Между тем развитие многонациональной советской литературы протекает в деятельном единстве, и задача литературоведения состоит в том, чтобы осветить замечательный процесс взаимобогащения литературы народов СССР.

Едва ли можно признать бесспорным и самый тип проектируемого Вл. Орловым издания «Библиотеки» в виде серийного выпуска книжек, по 10—12 в год, с тем чтобы завершить все издание в течение пяти лет и дать читателю до 50—60 книжек общим объемом от 200 до 300 авторских листов, при этом книжки должны быть пронумерованы, чтобы была ясна систематичность и последовательность всего издания. Но что, собственно, разумеется под «последовательностью» издания? Если речь идет о выпуске книжек во времени — в соответствии с их порядковой нумерацией, то осуществление выхода в свет любого порядкового «номер», еще не подготовленного автором и редакцией, может задержать выпуск последующих брошюр. Если же выход в свет серии будет производиться независимо от порядковой нумерации брошюр, по мере поступления работ от авторов, то можно наперед посочувствовать «массовому читателю», вынужденному усваивать содержание брошюр вразнобой, независимо от их тематики. Да и что это такое — «последовательное издание», дающее читателю надежду на то, что к концу нового пятилетия он станет обладателем всего комплекта брошюр? Или это — вольное издание, обрекающее читателя на протяжении пяти лет (хорошо еще, если только пяти!) на ожидание очередных номеров «Библиотеки» и зоркую слежку за появлением на книжных прилавках той или иной книжки серии?

Так или иначе, но несомненно, что читатель выиграет (даже со стороны стоимости «Библиотеки») в том случае, если выпуск всего издания будет оформлен тремя-четырьмя массивными томами.

Однако суть дела в ином: не более ли будет приемлемым для наших издателей и, главное, не более ли ценным для читателей, в том числе и самих работников литературы, если литературоведы, критики, писатели, не отвлекаясь на осуществление новых и новых проектов, сосредоточат свои дружные усилия на неотложной задаче по выпуску «Истории советской литературы», диссертации «Истории русской литературы», пособия по проблемам марксистско-ленинской эстетики и т. д.

Кстати сказать, советский читатель не один год с нетерпением ждет таких пособий, как выпущенные давно сборники «Маркс и Энгельс об искусстве» или «Ленин о культуре и искусстве».

Ценнейшим пособием для широкого читателя могло бы быть также издание, подобное вышедшему в конце тридцатых годов двухтомнику «Русские писатели о литературе».

Потребность в переиздании таких книг, выпущенных в свое время сравнительно небольшими тиражами, велика, но, разумеется, каждый из названных сборников нуждается в пересмотре и дополнениях на основе новых источников.

Отдавая должное идее Вл. Орлова о выпуске «Массовой историко-литературной библиотеки», мы вместе с тем не можем не высказаться за самое вдумчивое отношение к любому новому проекту историко-литературных изданий по литературе.

Вл. БАХМЕТЬЕВ

В Ленинградском институте живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина состоялась защита дипломной работы Государственной экзаменационной комиссии рассмотрела работу студентки М. И. Кожина «Петр I» и дала скульптуре отличную оценку.

НА СНИМКЕ: М. И. Кожина у своей работы. Фото П. ФЕДОТОВА

Зарубежные гости в Союзе советских писателей

В нашей стране гостят австралийская писательница драматург Мона Бранд и индийский журналист Эдгарт Нараяна, приехавшие по приглашению Союза советских писателей СССР.

Вчера зарубежные гости были приняты в иностранной комиссии ССП СССР. С теплой приветственной речью выступил Самел Вургул.

В ответной речи Мона Бранд горячо благодарил за радушный прием, который она и Эдгарт Нараяна встречают повсюду в Советском Союзе. Мона Бранд заявила, что труд советских писателей служит примером и придает новые силы прогрессивным писателям мира в их борьбе за национальную демократическую культуру.

Иностранцы гости рассказали о культурной жизни Австралии и Индии. Отвечая на их вопросы, советские писатели, в свою очередь, познакомили их с деятельностью ССП СССР.

В заключение Мона Бранд и Эдгарт Нараяна поделились своими впечатлениями от поездки в Ленинград, откуда они возвратились вчера утром. Завтра иностранцы гости выедут в Сталинград, а затем в Казахстан и Узбекистан.

Новый отдел в музее Лермонтова

ПАТИГОРСК. В Государственном музее «Домик Лермонтова» открылся новый отдел, в котором собраны многочисленные издания произведений поэта, книги и критические статьи о Лермонтове, ноты вокальных произведений, написанных на его стихи.

На специальном стенде размещены сочинения Лермонтова, изданные в Болгарии, Польше, Чехословакии, Румынии.

ОБЛИЧЕНИЕ СМЕХОМ

Н. ВЕЛЕХОВА

Случай или событие, происшедшие в действительности, могут стать поводом для художественного обобщения при одном необходимом условии: должна быть угадана жизненная закономерность, породившая их. Дать же пусть работает творческая фантазия, пусть она подскажет художнику форму, характер будущего произведения, наиболее соответствующие его индивидуальности.

Этот путь пройден, как нам кажется, автором комедии «Раки», драматургом С. Михалковым. Большим достоинством его комедии является органичность, с которой в смешной и затаенный сюжет пришло обобщение. А произошло оно потому, что не угловатые похождения жулика и афериста, «окопавшегося» работников областного города, заинтересовали драматурга. История Лесного имеет прототипы в реальной действительности. Она явилась для Михалкова ключом, открывающим дверь в царство «попущивших». И не случайно это явление показало драматургу важным. Попущившие — не только рожество. Попущившие — способность людей занимать места, не для них предназначенные; это благоденствие и процветание тупых, пошлых душ, которому равно или поздно придет конец.

В пьесе Михалкова нет указующего перста, навязывающих, потающих интонаций, которые встречаются во многих современных пьесах любого жанра. Комедия «Раки» как будто проста и бесхитривна; ее смеш — легкий и вместе с тем острый, ее интонация — заковыристая. Веселая наемка над рожеством, дураками и жуликами, жизнерадостная извеска над несоответствием таких явлений всему нашему общественному строю, всем идеалам советских людей — вот тон «Раков». И ему на редкость точно соответствует общее звучание спектакля Театра имени Вахтангова.

Ни режиссура, ни актеры не стараются смешить зрителя и не навязывают «осмеяния» героев даже самыми тонкими приемами. Тем не менее на спектакле парит смех.

Образы вахтанговского спектакля нарисованы легко, свободно и точно. Их отличает художественная соразмерность, но при этом характеры внутренне заострены и отточены. Внутренний мирок людей, ставших героями «Раков», чрезвычайно беден. Однако эта бедность и серость требуют сложных и многообразных красок для полного восприятия жизни в художественном образе. Артист достигает этого лишь тогда, когда его усилия направлены на то, чтобы раскрыть субъективные цели и идеалы героев. Большинство исполнителей «Раков» идут этим путем — путем перевоплощения, органического существования в образе.

Как обрисован в спектакле Лопухов — «лицо поменявшееся»? Игра одного из исполнителей этой роли — В. Кольцова, может быть, и не отвечает тем поверхностным ассоциациям, которые могут возникнуть в связи с «лопуховщиной». Это не «субурбо», не ходячий «символ» тупости. Лопухов, как его рисует Кольцов, реальный, заурядный человек. Он, Лопухов, отнюдь не притворяется лицом значительным, не принимает поз, скорее — не «тянет очки». Но в этом свой замес. Безусловно Лопухов — Кольцов когда-то приторвался, нагнал на себя важность, обманывал. Но за долгие годы слияния на своем почетном месте он освоился с ним, проникся мыслью, что занимает это место заслуженно, что вполне может руководить людьми (Кольцов очень хорошо произносит «руководить»). Он из тех людей, которые считают, что место красит человека. А сам — человек серый, бедня и убога его сумасшедшая. Когда ему что-нибудь говорят,

он отвечает не сразу. Вот новый эпитет, требующий внимания: это дочерья Серафимы (Л. Целиковская) в церкви, а Лопухов — члену партии — для того, чтобы возмутиться этим, надо время: слова собеседника совершают довольно долгий путь, прежде чем дойдут до сонного сознания Лопухова. Поэтому Лопухов — Кольцов кое-кому может показаться тупым, а кое-кому и глубокомысленным. Может быть, Лопухов никому сознательно и не намерен. Но сильнее всего вредит то, что такой человек «руководит» людьми.

Подстать Лопухову и его жена — Агния Иванова в исполнении Е. Алексеевой. Вспомним ее облик, манеры, поворотку, ее упрямый, отталкивающий смех. И перед нами раскрывается мажорная мешанка во всей ее тупой, сытой сущности.

Немудрено, что все близкие и знакомые Лопуховых и все те, кого они ввели в свой «салон», украшенный сразу двумя копиями с одного и того же «Утра в сосновом лесу» Шишкина, телевизор и холодильник, все эти «приближенные» — люди недалекого ума. Тем не менее они обладают силой приспособляемости. Вот Углекий — И. Ятский, серый, как будто плохо отмытый, он одновременно и клейкий, и изворотливый. Липо его выражает полное духовное убожество, а как заговорщик — всегда понаезд «в точку».

Глушость и хитрость — страшное сочетание, оно — не менее опасно, чем сознательная вредность. Ведь очень не умна в исполнении Л. Андреевой Люция Кареглазова, бывшая театральная «премьерша» с естественным неостомом — «отсутствием божьей искры». Но она умеет постоять за себя, действуя с помощью фальши, обмана и клеветы.

А се мужик, Самсону Кареглазову (его играет Н. Пахитов), хитрость вполне заменила ум: он приобрел даже некоторые внешние лоск, несет ровные очки. Однако из-под них высматривают и шныряют недобрые сверлящие глазки. Впрочем, глушость противна и в сочетании с добродушием. У начальника отделения милиции, несомненно высокопарную фамилию Желозова, — маленького худощавого человека — улыбка не сходит с лица. Благодушное словно переполняет Желозова — Ю. Любимов с его кокетливыми усиками и голосом, в котором сквозит полное удовлетворение собой, своим способностями, каждым своим поступком.

А Мамочкин, начальник отдела кадров? Он прямолинейен и прост, как папка без сучков, он готов служить верой и правдой каждому, кто окажется чуть выше его. Мамочкин — Н. Осенев смотрит на Лесного взглядом, полным безавестной преданности: вот уж бескорыстная душа!

Вот в такую компанию поспешивости попасть авантюристу, безавестному из заключения, Улазу Лесного не в том, что его приняли за важное лицо. Закономерность удачи Лесного драматурга и театр влият в том, что здесь, в мире лопуховщины, бескультурья, напихи мелких и дрянных страстишек, очень легко сыграть на низменных стремлениях людей. В таком освещении комедия «Раки» получает сатирическую окраску, ибо она высмеивает пошлость, рожество, глушость, чванство — пороки, свойственные лопуховщине.

Потому М. Грипенко, с таким блеском нарисовавший портрет Лесного, отказался от привычных представлений, связанных с ролью авантюриста. Лесный страшен тем, что его нельзя распознать по ка-

ким-либо внешним проявлениям, ибо умные аферисты маскируются и вылаивают себя не за того, кем он является на самом деле, поистине неузнаваемо. Лесный полагается впервые на сцене, уже изучив в подробностях обстановку и людей, к которым он попадает. Только для этих людей, только для лопуховцев надел на себя Лесный личину мечтателя, человека не от мира сего, которую он так естественно носит. У Лесного — Грипенко заучивное лицо, отквитый и прямой взгляд, рассеянность и даже застенчивость в движениях. Грипенко с полдюжины психологическим даром ведет двойную игру на сцене: его артистическое внимание одновременно поглощено двумя сложными задачами: быть искренним в своем притворстве и показать зрителю истинную сущность Лесного. Эта сущность не только в острых деталях, вроде профессионально-гигиенических, жалких и торопливых пальцев; Грипенко словно открывает зрителю тайную лабораторию преступных намерений афериста. Слеза за ним, зритель видит ход мысли Лесного, видит, как он напряженно готовится к любому неожиданному вопросу, как намечает планы дальнейших афер. Лесный, конечно, видит насковую глушость и ограниченность «лопуховцев»; но он отнюдь не собирает их обличать. Нет. Все его помыслы направлены только на низменные, преступные цели. Лесный изучает пошлость и пошлость лопуховцев, чтобы точнее строже воронские расчеты.

И в то же время Лесный — оборотень. Лесный — законченный подлец и преступник, появившись в городе, невольно помог разоблачить ничтожество и пустоту людей, вскарбавшихся на те высоты, где им не должно быть места. Так, частный случай, событие из ряда вон выходящее, обнажил типические отрицательные общественные явления.

В пьесе и спектакле «Раки» есть элементы сатиры. Безусловно, сатирическое произведение может быть острее и беспощаднее, может быть решено в образах гротескных и преувеличенных. Но и комедия, и даже водеvil, содержащие элементы сатиры, по-своему высмеивающие зло и пороки, нужны и полезны. Дело не в сатирическом понимании жаира. Важно иное — несет ли художественное произведение нужную и полезную мысль? Спектакль Театра имени Вахтангова отвечает на этот вопрос утвердительно. Замысел драматурга угадан в спектакле и воплощен в форме, ему свойственной.

Положительные персонажи комедии — это фигуры эпизодические, но они живо напоминают о среде, в которой так трудно жить Лесному и не легко удержаться Лопухову. Поэтому Михалкову нет нужды заставлять положительных героев «изобличать» лопуховцев на сцене.

Образы шофера Леша, которого играет М. Ульянов, заводчика — В. Кольцова, и даже попытке из гостиницы — М. Давыдов и швейцара — А. Бизюкова полны живого юмора, обаяния и свежести. Надо прямо сказать, — это не частный случай, когда положительные герои в комедийном спектакле не похожи на скучные прописи. С юмором обограно в спектакле и имя гражданин Овечкин, хотя она и не появляется на сцене, но с упорством, пугающим лопуховцев, добивается прямого разговора с кем-либо из них.

В спектакле, в котором вдумчивая наблюдательность счастливо соединилась с яркостью и остротой исполнения, в спектакле, созданном разносторонними талантами режиссера В. Захаря, Р. Сиомова, И. Ильинского и художника В. Ефимова, — осуществлена мысль поучительная. Смех не мешает ей жить в искусстве.

Некрасов и Маяковский

«...В революционной истории Некрасовские стихотворения пользовались неизменно большим значением, чем все остальные литература», — сказал Маяковский в одном из своих выступлений. Эта высокая, даже превеликая оценка хорошо показывает отношение Маяковского к Некрасову. В 1922 г. А. В. Луначарский свидетельствовал: «Маяковский в последнее время довольно гордо называет себя Некрасовцем».

Я лиру посвятил народу своему, — писал Некрасов. И когда мы читаем строки Маяковского, написанные через полвека,

Я всю свою звонкую силу поэта тебе отдаю, атакующий класс.

мы видим, что Некрасов и Маяковский стоят в одном строю — на генеральной линии русской поэзии.

Великий поэт Некрасов был прямым предшественником Маяковского. Будучи поэтом «революционной партии» Чернышевского, он печатал в журналах из номера в номер свои злободневные стихи, которые не раз использовались в качестве революционных прокламаций.

Маяковский продолжал традиции Некрасова в силу исторической закономерности, в силу преемственности этапов русского революционно-освободительного движения. Подотворное воздействие Некрасовской поэзии глубоко отразилось как в идейном содержании, так и в художественной форме произведений Маяковского.

Горе и счастье народное были личным горем и счастьем Некрасова, который писал в программном стихотворении «Поэт и гражданин» о настоящем поэте-гражданине:

Он как свой на теле носит
Все язы родины своей...

В творчестве Маяковского следы личного и общественного его более крепче и приобретает новые черты.

В поэме «Хорошо!» революционные события изображаются в неразрывной связи с переживаниями и поступками личностного героя. Озаряющий все, пронизывающий всюду лиризм в высшей степени свойствен поэзии Маяковского. Эта важнейшая черта его творчества явилась развитием творческих принципов великих русских поэтов и особенно Некрасова, который в таких замечательных произведениях, как «На Волге», «Железная дорога», «Размыш-

ления у парадного подъезда», и многих других глубоко-лирических передал сложнейшие социальные темы.

В своей близости к народным массам Некрасов видел смысл и главную заслугу своей жизни:

За каплю крови, общую с народом,
И малый труд в заслугу мне считай!

Через полвека Маяковский писал:

Я счастлива, что я
этой силы частица,
что общие
даже слезы из глаз.

Здесь видны и сходство и отличие поэзии Некрасова от поэзии Маяковского. Некрасов еще не мог сказать, как Маяковский: «я этой силы частица»; у него не было и не могло быть такого чувства единства с народом, которым пронизана поэзия Маяковского.

Творчество двух великих поэтов роднит стремление к прямой, активной вторжению в общественную жизнь. Недавно была размыкавшаяся ранее неизвестная статья Некрасова, в которой он высмеивал «мерные и пустозвонные фразы в луне, в звездах» и всякие мечты о «забавных нелюбях», писал: «Поэзия... должна оставаться с нами на земле и заговорить языком человеческого...» То же требование было главным и в литературной борьбе Маяковского. В статье «С неба на землю» он так же назывался на поэтами, забывавшимися в «забавные выси».

Эта творческая установка определяла ряд существенных черт поэзии Некрасова и Маяковского. В методе она выражалась как углубление реализма: в тематике — как разносторонность и злободневность; в области формы — как новаторское расширение границ языка поэзии.

В 70-х годах Некрасов создал замечательную поэму «Современники», которая отразила только что называвшийся процесс бурного развития русского капитализма. Некрасов не мог до конца понять сущность этого процесса, но его яркие сатирические образы обнажили звериний облик новых эксплуататоров. Он показал, что российские дельцы считают себя учителями американских бизнесменов:

Наш идеал, — говорят, —
Затлантический брат:
Бог его — тоже ведь доллар!..

Эту борьбу Некрасова с капитализмом продолжил в новых исторических условиях Маяковский. Оба поэта, отвечая на падающие эстетов, решали в своей поэзии за-

дачи сегодняшнего дня, насыщали свои произведения публицистикой, говорили обо всем, что важно в жизни народа.

В борьбе с антинародной декадентской поэзией начала XX века Маяковский освоил лучшие традиции Некрасова. В 1919 году, в период своей напряженной работы над первыми текстами знаменитых «Окон Роста», Маяковский писал о Некрасове: «Хорош был в «Росте». Многие написанные им тексты «Окон Роста» по своим приемам, по своей стилистике близки стихотворениям его великого предшественника.

Два революционных, народных поэта, Некрасов и Маяковский отразили в своем творчестве существенные черты русской действительности на двух исторических этапах.

Хорошо известно, что одним из любимых поэтических произведений Маяковского было «Размышления у парадного подъезда». Двенадцатилетним мальчиком, в 1905 году, он хотел прочесть его на гимназическом вечере, но какой-то дарский чиновник запретил чтение. Впоследствии Маяковский не раз цитировал «Размышления у парадного подъезда» в своих стихах, а в 1928 году написал сатирический фельетон о бюрократах, дав ему Некрасовское название.

В стихотворении «Чудеса!» Маяковский изобразил советских крестьян в санатории — бывшем царском дворце на берегу моря. В нескольких строках дан сатирический образ свергнутого самодержца, который еще недавно «ахал же, рядом, гоним по залам и по бильярдам». Так же, как и в «Размышлениях у парадного подъезда», в стихотворении Маяковского активно и страстно выступает лирический герой.

Маяковский на конкретном материале показывает перевод, совершенный в жизни страны революцией, говорит, что та Россия, которая предстает в стихотворении Некрасова, превратилась в новую, Советскую Россию.

В поэме «Владимир Ильич Ленин» Маяковский изображает «крепостную Русь»:

Ты с боков на Россию глянь —
и куда глаза твои кинь,
упираются небу в склянь
горы, каторги и рудники.

В этих строках слышится отголоски заключительной части Некрасовских «Размышлений у парадного подъезда»:

...Где бы русский мужик не стоял?
...Стоит он по торьям, по острогам,
В рудниках, на железной цепи...

Вспоминается, что как раз в период работы над поэмой «Ленин», в мае 1924 года, Маяковский сказал о классической русской поэзии: «Конечно, мы будем сотни раз возвращаться к таким художественным произведениям... учиться этим максимальным добросовестным творческим приемам».

Сатирическая поэма Некрасова «Современники» явилась новаторским шагом в развитии языка русской поэзии. В поэму, с исключительной разносторонностью вбравшую разговорную речь различных слоев петербургского населения, широко вошли политическая и деловая терминология, язык газет, биржи, канцелярии. Поэт широко использовал такие слова и словосочетания, как концессия, железнодорожное предприятие, акционерная компания, правление банка, судная касса, биржевой омут, прибыль, гарантия, кредит, проект, коммерсант, пропенитиш, делеп, паукотрат, миллионщик, эксплуататор, спекулянт и т. п. Во всей русской поэзии мало произведений, более близких поэзии Маяковского по своей стилистике, чем поэма «Современники».

Известно, что в 1916 году Маяковский, услышав строки «Современники», воскликнул: «Неужели это не я написал!»

Ряд исследователей, привлекая это высказывание Маяковского, совершенно справедливо указывают на связь «Современники» с дореволюционными сатирическими «гимнами» Маяковского. Но в 1916 году молодой поэт не мог еще в полном объеме воспринять стилистические традиции этой остро политической поэмы. Луначарский с большой прозорливостью отмечает, что Маяковский постепенно овладевал Некрасовскими традициями. Поэзия Маяковского, писал Луначарский, — «все более и более проникается своеобразной напряженной публицистикой. Это особенно заметно в поэме «150 000 000» и, пожалуй, еще больше в недавно слышанном мною введении в новую поэму 4-й Интернационал. Некрасов сатирик. Некрасов изобразитель города находится, несомненно, где-то на восходящей линии от этих произведений Маяковского».

Безусловно верная мысль Луначарского распространяется как на содержание, так и на стиль поэзии Маяковского, поскольку публицистичность содержания ведет к «публицистичности» стиля. Поэзия Некрасова стилистически подготовила поэзию Маяковского, помогала ему, облегчила то

поэтическое освоение политической терминологии и обиходных разговорных оборотов, без которого не мыслима поэзия Маяковского.

Родство стилистических принципов Некрасова и Маяковского хорошо показывает сопоставление образа Пушкина в их произведениях: «О погоде» Некрасова и «Юбилей» Маяковского. Оба произведения состоят из обиходных, «непоэтических» слов и разговорных оборотов. И образ Пушкина рисуется простыми, конкретными черточками, обиходными словами. В стихотворении Некрасова: «попирал все пенуру», «человек убивается» и т. п. Пушкин говорит о своих стихах, истерзанных цезурой: «это кровно... произрастает, кровь моя...» Маяковский обращается к Пушкину в своем «Юбилейном»: «а бы и агитка вам доверит мого, «мне приятно с вами», «вы, по-моему, при жизни — душой — тоже бешунали» и т. п. И эти внешне «незначительные» выражения, входя в целостную образную систему, получают заряд большой художественной и эмоциональной силы. Сквозь них проступает образ живого, настоящего, будущего Пушкина — поэта и человека.

О Пушкине написаны сотни стихотворений. И нередко поэты впадали в идеализирующую риторику, наводили «хрестоматийный глянec». Маяковский, опираясь на Некрасовские традиции, создал о Пушкине яркое, по-настоящему возмущающее произведение. И не случайно в «Юбилейном» так тепло говорится о Некрасове: «Этот наш компания — пускый стоит».

Понятие «традиция» всегда неразрывно связано с понятием «новаторство», поскольку традиция — это не повторение, а продолжение, развитие. Интересный материал для выяснения единства традиций и новаторства дает сравнительный анализ ритмики поэзии Некрасова и Маяковского.

Иногда ритмику совершенно неточно отождествляют с метрикой. А ведь размер стиха — это лишь основа, скелет ритмики, которая представляет собой целую систему различных языковых явлений (пауз, интонаций, звуковых повторов, переносов, особенностей синтаксиса, рифм и т. д.). Именно поэту одному и того же поэта, а тем более у разных поэтов, стихи, написанные одинаковым размером, могут иметь различный ритмический облик.

Песенность, напевность — основная особенность поэзии Некрасова в ритмическом отношении. Поэт не предназначал свои стихи специально для пропежения на музыку. Ритмика его основных произведений такова, что они сами по себе, без музыки, передают ощущение народной песни. В его стихах так и слышится то заунывные переделы «протяжных» («В полном разгаре

страда деревенская»), то победный напев «плавовых» («Коробейники») и «величальных» (песня Гриня «Русь») песен русско-крестьянских.

Нельзя не видеть, что песенность поэзии Некрасова, крестьянского революционного демократа, глубоко связана и с его эпохой, с временем, когда народные массы выражали свои мысли, стремления и чувства преимущественно в песне.

В эпоху Маяковского народ заговорил на тысячных митингах, каждый сознательный рабочий и крестьянин становился оратором. «Митингование» было одной из черт периода первых лет советской власти. Ленин писал: «Митингование, это и есть настоящий демократический туалитация, их выпрявление, их пробуждение к новой жизни».

И если Некрасов говорил, что его поэзия «вторит» песне, под которую идет «спокойная работа народная», то Маяковский увидел свою задачу в том, чтобы «вывести поэзию из разговоров», так как «революция выбросила на улицу корытый говор миллионов».

Ритмика основных произведений Маяковского создает ощущение мощной речи оратора-трубача («Девый марш», «Во весь голос», лужеского разговора с аудиторией («Рассказ летчика Ивана Бокореза о введении в новую квартиру») и т. п.

Но «заговорная» тенденция есть и в поэзии Некрасова. Здесь снова хочется обратиться к поэме «Современники». Она целиком построена на речах и диалогах действующих лиц. Очень интересно то, что в ней около ста раз меняется размер, причем представляются самые различные варианты классических размеров. Некрасов как бы ищет средства для создания ритмики «разговорного» типа. Сочетание различных размеров — одна из характернейших черт поэзии Маяковского.

ЦИТАТЫ С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

— Тогда, может быть, затишье завтра, как вы думаете? — грустно вопрошает незадачливый проситель, который изображен на этой карикатуре, помещенной американской газетой «Нью-Йорк пост».

Человек этот, подвергшийся в здании американского конгресса столь неслыханному обращению, символизирует, как встает из напели, «Надежды на снижение налогов» в Соединенных Штатах...

(Из послания президента США Эйзенхауэра американскому конгрессу, май 1953 года)

«...Во время предвыборной кампании в 1952 году народ настоятельно требовал сокращения налогов... Народ убеждал в том, что будет быстро произведено сокращение, если он проголосует за генерала Эйзенхауэра. Народ верил ему, когда он заявил, что устранение «неуязвимых и неэффективных расходов, дублирования и коррупции» даст возможность сократить налоги «теперь»...

Теперь г-н Эйзенхауэра заявляет, что расходы нельзя сократить ввиду того, что их увеличение было сделано раньше... Не произошло... никаких событий внутри страны или за границей, которые бы оправдывали увеличение правительственных расходов. Конкретное предвыборное обещание о сокращении расходов и налогов не выполняется».

(Из статьи, опубликованной в американской газете «Таймс-Геральд» 21 мая 1953 года)

«Налогов, при данном положении вещей, останутся высокими в течение длительного времени».

(Из американского журнала «Юнайтед Стэйтс ныс энд Уорлд рипортер» от 5 июня 1953 года)

Иоганнес БЕХЕР

ПЕСНЯ ЕДИНСТВА

(ИЗ СТИХОВ «К ГЕРМАНИИ»)

Скажи, моя Германия, ответь:
Как долго будешь ты еще терпеть
Ту боль, с которой пытка не сравнится?
Наступит ли страданиям конец
Иль глубже в сердце врежется рубец,
Зональной именуемой границы?

Моря кипят, в горах грохочет гром.
Взвывая, народ! Взывайте каждый, в ком
Неугасима совесть гражданина:
«Германия единой быть должна!».
И да воспримет этот зов она
И станет вашей волею едина.

Немецкой песни радостный полет
Прославлен будь! Пусть родина поет.
Во все сердца проникни, мощь мелодий!
Да воплотит отечества напев
Надежды наши, нашу скорбь и гнев,
И вневую думу о свободе.

Все, что народ твой, выстрада, постиг,
Все лучшее, что он в веках воздвиг,
Все, чем по праву можешь ты гордиться,
Все, чем красны и славны наши дни,
Германия, объедини.
Чтоб вся страна могла объединиться!

Мы снова обратимся в этот час
К великим предкам, что учили нас
Не оставлять свободу без защиты.
Пусть их дела в нас мужество влечут.
И пусть они с презрением проклянут
Тех, кто подался к варварам в наймиты.

В груди у нас все громче, все слышней
Стучат сердца замученных друзей,
И спрашивают павшие герои:
«Далеко ли до цели? О, когда
К высотам мира, к празднику труда
Германия придет в едином строе?»

Какою из тяжчайших бед земли
Мы вместе одолеть бы не смогли?
Едини мы — и всё у нас во власти!
О, слезы, слезы родины моей!
Когда же на глазах ее детей
Заблещут слезы радости и счастья?

Еще не поздно, отчая страна!
Взгляни: шумит на улицах весна,
Сердца надеждой светлой наполняя.
Развеи будет войн злобный дым.
Под знаменем, как небо, голубым
Пройдет народ от края и до края.

Настанет день. Нам ясно виден он.
Нолоколов веселый перезвон
Объют людям, что мечты свершились,
Что к нам пришел тот долгожданный срок —
И юг и север, запад и восток
В единую страну объединились.

Так за работу, не жалея сил,
Чтоб жатвы день скорее наступил,
Чтобы скорей пришло к нам счастье это,
Когда на деле станет край родной
Единою немецкою страной,
Отчизной мира, юности и света!

Перевел Лев ГИНЗБУРГ

ПО СТРАНИЦАМ
НЕМЕЦКОЙ ПЕЧАТИ

ЗА КУЛИСАМИ „ДНЯ ИКС“

Каждый день приносит все новые свидетельства того, что погромщики и террористы, учинившие 17 июня фашистские провокации в Берлине и некоторых других городах ГДР, действовали по заданию западногерманских реакционеров и американских вдохновителей пресловутой «политики освобождения». Факты, публикуемые немецкой демократической печатью, показывают, что американская разведка, представители которой непосредственно руководили инсценировкой «дня икс», использовала в качестве исполнителей своих преступных планов уголовников и деклассированные элементы. В качестве главарей провокаторских банд действовали бывшие эсэсовцы и гестаповцы...

Так, например, как сообщает «Берлинер цейтунг», в районе Тиргартен (британский сектор), в так называемом Народном доме, 17 июня было собрано 80 безработных в возрасте от 18 до 40 лет. Все эти люди после соответствующего инструктажа были переправлены в демократический сектор с заданием провоцировать беспорядки. Подобные же группы собирались и инструктировались западногерманскими властями в районе Темпельгоф (американский сектор).

Но из мелких уголовников и деклассированных элементов рекрутировались лишь «рыцарские» участники погромных операций. Начальниками банд погромщиков и провокаторов назначались люди, являющиеся агентами иностранной разведки.

Вот типичная биография одного из них, приведенная в газете «Дейлигер фольксцейтунг». Артур Нейер, совершив несколько лет назад покушение на одного из членов СЕП, перебежал в Западный Берлин и предложил здесь свои услуги американской разведке. Завербованным одним из ее шпионских центров, он был переброшен в местечко Гертин (ГДР) и, согласно полученным инструкциям, в течение длительного времени держался внешне самым лояльным образом.

Лишь накануне 17 июня, получив соответствующую «команду» от своих «шефов», Нейер сбросил личину и выступил с подстрекательскими речами, запугивая и провоцируя жителей местечка.

Другой иностранный наймит Кюстерман, о котором рассказывает магдебургская газета «Фольксштимме», был активным участником провокационных выступлений в Магдебурге. Накануне 17 июня он изготавлял провокационные призывы по радио западногерманской разведки.

Особым доверием западногерманских организаторов «дня икс» и их американских вдохновителей пользовались люди с многолетним фашистским стажем. Типичен в этом отношении некто Фридрих Гапель, который по сигналу американской радиостанции РНАС с группой таких же, как он, бандитов напал на заводскую охрану завода «Юда». С 1934 года Фридрих Гапель, как явствует из протокола его допроса, переданного агентством АДН, служил в гитлеровской полиции-президенте Берлина, с 1930 года был членом Союза гитлеровской молодежи, с мая 1933 года — членом фашистской партии и командиром штурмовых отрядов.

Особая роль в провокациях была возложена на членов фашистско-террористической организации «Союз немецкой молодежи».

Об аресте члена этого союза Хорста Гертеля уже сообщала московская центральная печать. Приводим подробности его допроса, протокол которого опубликован в газете ГДР. «...Мы учились беспорядкам в восточном секторе Берлина», — показал Гертель, — бесчинствовали, срывали лозунги с домов, разбивали витрины.

Вопрос: Кто дал вам задание совершить эти преступления?

Ответ: Я являюсь с ноября-декабря 1952 года членом «Союза немецкой молодежи» в Западной Берлине. С тех пор я регулярно посещал вечера «Союза немецкой молодежи» в американском секторе... В здании, где происходили эти вечера, на первом этаже есть большой зал. В зале на стене висел портрет Аденауэра, справа от портрета Аденауэра висел американский флаг...

Далее Хорст Гертель рассказал, что собиравшимся руководить три человека, которые по всем правилам шпионско-террористических организаций назывались условными кличками. Главным из них был американец по кличке «Тоска». Именно он поддержи-

вал связь с западноберлинскими властями и через него пла снабжались члены «Союза немецкой молодежи» оружием и листовками. 13 июня 1953 года группа, в которую входил Хорст Гертель, была собрана, и ее руководителем — американец «Тоска» и двое его помощников немецкого происхождения заявили, что членам группы предстоит принять участие в беспорядках, которые будут учинены в ближайшие дни в Восточном Берлине.

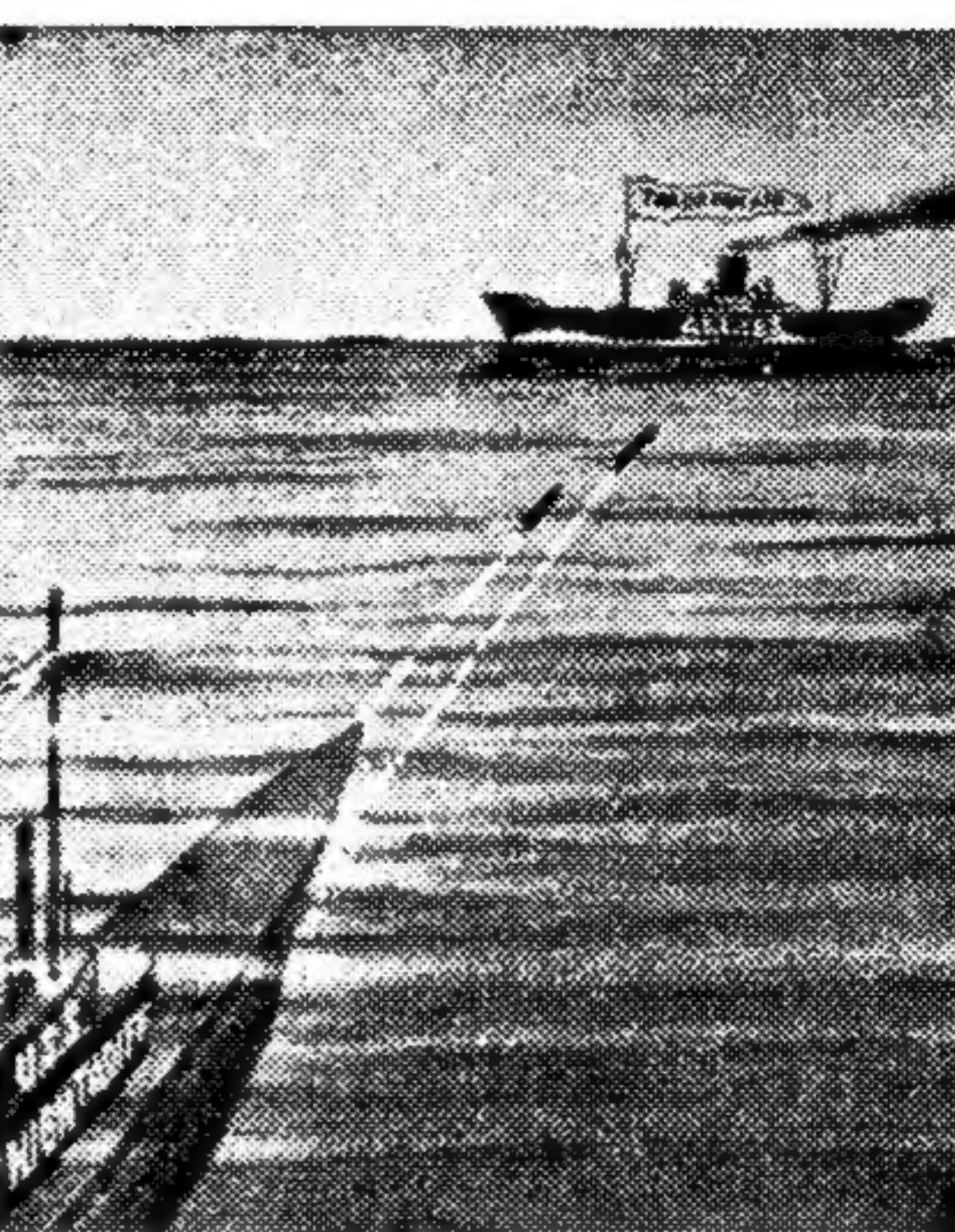
«Американец», — рассказал далее Хорст Гертель, — потребовал от нас, чтобы мы, как члены «Союза немецкой молодежи», в момент, когда начнутся беспорядки, немедленно начали действовать... Во время этого последнего собрания мы были еще раз проинструктированы в обращении с огнестрельным оружием. Перед уходом все участники встречи получили большое количество листовок и задание разбрасывать их в демократическом секторе».

Хорст Гертель был пойман в момент, когда он выполнял задание своего американского патрона. К его показаниям следует добавить такую небезынтересную деталь: в начале этого года немецкая печать сообщила о значительной денежной субсидии, предоставленной бандитско-террористической организации «Союз немецкой молодежи» западногерманским филиалом американского концерна «Кока-кола»!

Тщательно разработанные планы западногерманских и американских организаторов диверсий потерпели, как известно, полный провал. Фашистские террористы и их вдохновители вслесте пытаются теперь орать свою злобу на протестующихся организации трудящихся Западного Берлина. За последние дни фашистские бандиты, вооруженные железными палками и кастетами, совершили несколько нападений на помещения демократических организаций в западных секторах германской столицы. По всем предприятиям Западного Берлина прокатилась волна преследований, направленных против передовых рабочих, выступавших с разоблачениями клеветнических рассказов западногерманских главарей и их газет о собраниях 17 июня.

Ложь и клевета, насилие и террор — свидетельство слабости, а не силы фашистских реакционеров.

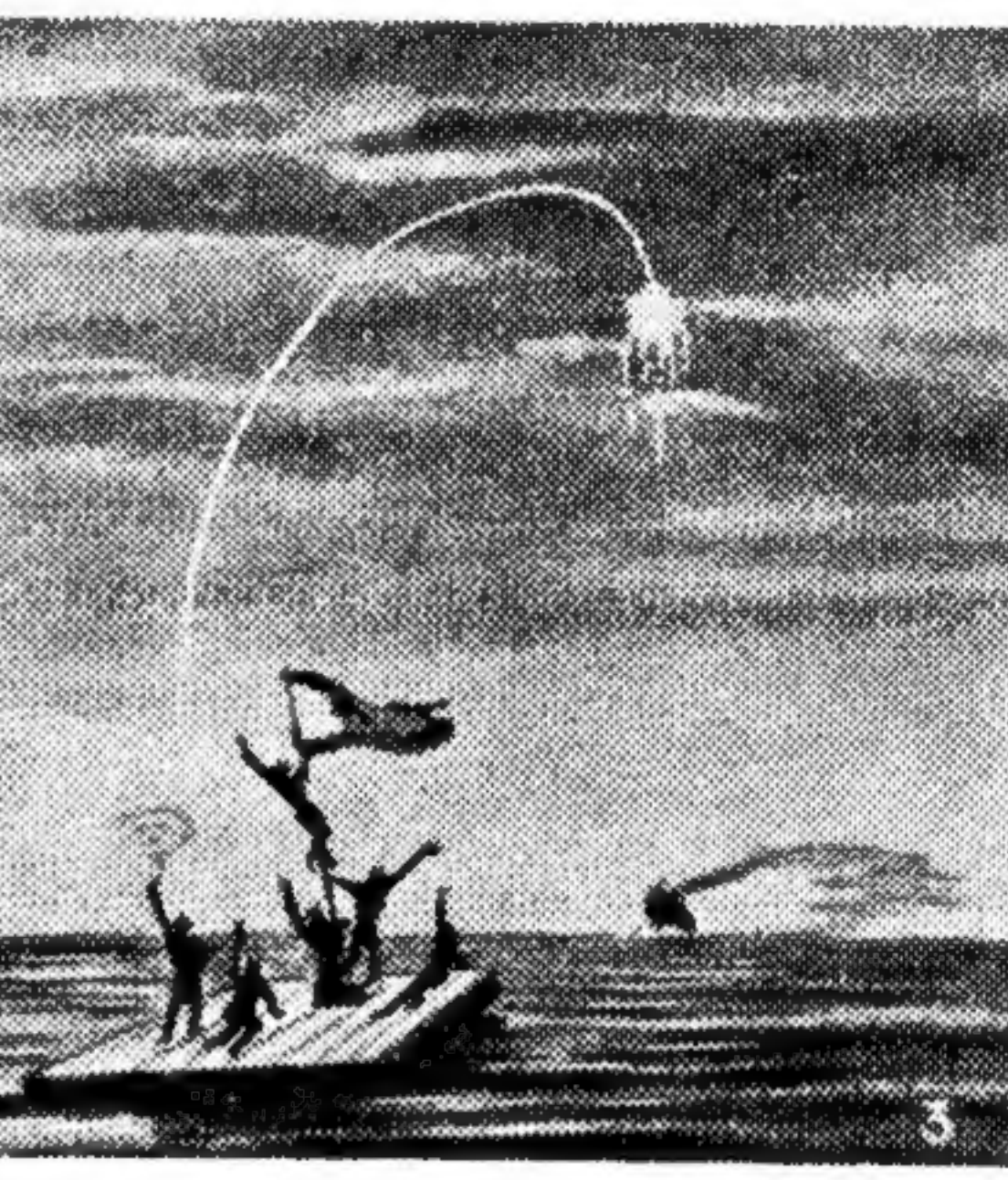
ЧТО ВЫСМЕИВАЕТ ЖУРНАЛ „РИПОРТЕР“

Западноевропейские страны, задыхающиеся в тисках американской «помощи», отчаянно ищут способы улучшить свое экономическое положение, как-либо ослабить долларную кабалу. Тем временем американская буржуазная пресса только пожимает плечами над подобными усилиями.

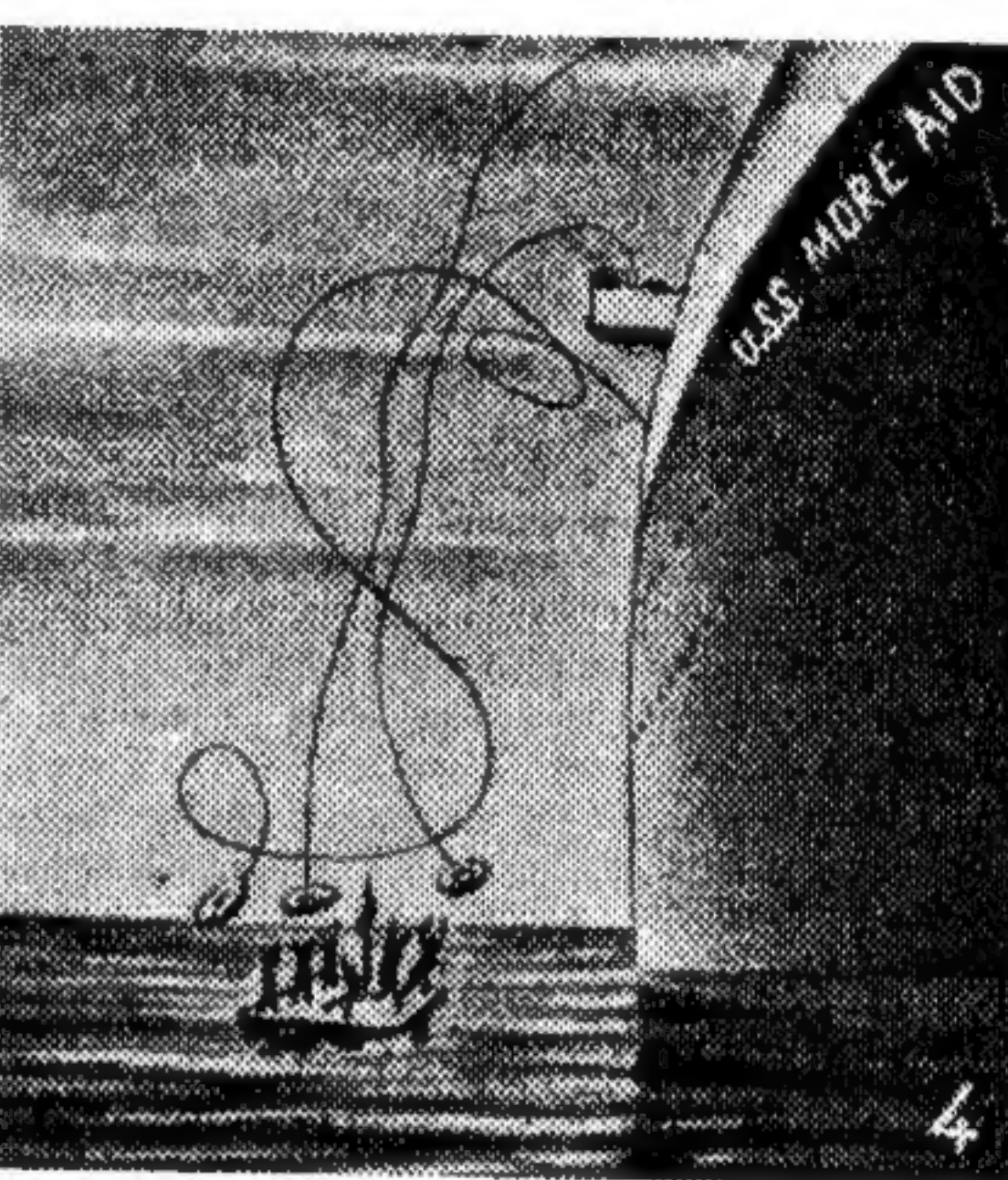
Одной из последних попыток такого рода является, как известно, лозунг, получивший распространение в Англии: «Торговля, а не помощь». Именно к этому сводилось предложение, переданное Вашингтону британскими министрами Иденом и Батлером во время их поездки в США в марте этого года и отвергнутое американским правительством. Судьбу вот этой попытки и представил наглядно американский журнал «Рипортер» в четырех «юмористических» картинках под общим заглавием «Почина и следствие».

Корабль «Союзники» (то есть союзники США) под флагом «Торговля, а не помощь» вышел в море; но плавание продолжалось не долго — его торпедировала американская подводная лодка, носившая красочное название «Высокие тарифы».

(рис. 1). Высокие американские таможенные тарифы служат, как мы знаем, главным препятствием для увеличения экспорта из Западной Европы в Соединенные Штаты. Торпедированный корабль тонет, члены его экипажа спасаются на плоту (рис. 2). Завидя на горизонте судно, они подают сигналы бедствия (рис. 3). К их разговору никто (хотя и не отраженному на рисунке), этим судном оказывается все та же... американская «дополнительная помощь»! Увы, терпящим бедствие ничего не остается делать, как ловить брошенные спасательные круги (рис. 4)...

«Надежда союзников на лозунг «Торговля, а не помощь» не оправдалась», — писал не так давно американский корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» Джеймс Рестон. Журнал «Рипортер» в «жизненных картинках» выразил ту же мысль. Соединенные Штаты не намерены снижать таможенные тарифы и способствовать увеличению экспорта западноевропейских товаров в США. Они предпочитают «помогать» своим союзникам, лживыми словами — держать их и впредь в кабале.

Конкурс на лучшую песню в Болгарии

В Болгарии закончился конкурс на лучшую песню, посвященную IV Всемирному фестивалю молодежи и студентов. Конкурс был организован по инициативе Центрального комитета Димитровского союза народной молодежи, Союза композиторов, Союза болгарских писателей и Национального комитета защиты мира. Жюри конкурса получило свыше 100 произведений болгарских поэтов и композиторов. Из

них 21 песня отобрана жюри для сборника «Поет болгарская молодежь», который будет издан к фестивалю. Лучшие песни рекомендованы к исполнению на фестивале. Среди них «Фестивальная физкультурная песня» — Александра Райчева, слова Цветана Ангелова; «Песня о дружбе» — Веселина Стоянова, слова Димитра Панталеева.

ВОЗВРАТЯТЬСЯ НА РОДИНУ...

В дни пребывания нашей делегации в Румынии мы наглядно убедились в том, что румынский народ впервые за всю историю страны получил действительную возможность развивать свою национальную культуру. В прошлом чуждая народу королевская династия Гогенцоллернов культировала презрение ко всему румынскому. Родной румынский язык считался языком «простонародья», праваяча верхушка принадлежала только французскому или немецкому языку.

Известна, например, высокая музыкальность румын. Однако подлинно народные музыкальные инструменты и мелодии раньше находились в румынской музыке. Ничего же в стране растут народные ансамбли, государственные национальные оркестры, в которых чудесно звучат древние народные музыкальные инструменты — цимбалы, свирель, дудка. Мы по-настоящему наслаждались замечательным мастерством румынского национального оркестра.

Президент Академии наук Траян Савулеску, с которым мне пришлось встречаться особенно часто, с гордостью сказал как-то:

— Только теперь мы узнали, что такое национальная румынская музыка. — И, смеясь, добавил, что народная консерватория румынской музыки находится в одной из небольших деревушек, расположенных под Бухарестом. Именно оттуда вышли многие талантливые исполнители.

Румыны — также прекрасные мастера резьбы по дереву и коже. Настоящие сокровища этого древнего искусства можно увидеть в бывшем королевском дворце в Синае, на Карпатах. Когда-то в Синае развлекалась аристократия. На каждом шагу красуются здесь виллы и замки, теперь они переданы профессору Румынии, организациям писателей, крестьян, ученых.

Дворец в Синае построен в конце XIX века. Мы заглянули в безвкусно отделанную библиотечную с электрическим органом, напоминающим изобретенные замочки механизмы пианино. Подобного ро-

да музыкальные «агрегаты» можно увидеть и в увеселительных заведениях на Западе. Тронный зал в флорентийском стиле, мавританская комната — все это выглядело неинтересно и серо.

Но зато дворец поражает замечательно красивой отделкой стен, дверей и лестниц деревом, тончайшей резьбой по дереву, скульптурными и барельефами из дерева. Нам не могли объяснить, кто эти безвестные румынские мастера, оставившие после себя настоящие шедевры. История буржуазно-помещичьей Румынии не сохранила их имен.

...Наши машины мчатся обратно из Синае в Бухарест. В тени карпатских лесов мелькают все новые и новые сады и дома отдыха.

Нам рассказывали, что в старой Румынии было немало безвестных строителей, вышедших из народа, которые придавали некоторым видам подлинно национальный колорит. Красный орнамент из цветного горного камня одевает покои и фасады зданий. Этот орнамент созвучен румынским народным вышивкам. Но в целом румынский стиль в архитектуре был отнесен к рабским подражаниям английским коттеджам и швейцарским замкам. Только теперь румынская архитектура, возрождаясь, получает блестящие возможности для своего расцвета.

Образцы народной румынской архитектуры прошлого мы видели на северной окраине Бухареста в специальном музее-деревне, близ бывшего королевского дворца. Это сочетание причудливой и подкрашенной румынской деревни и королевского дворца должно было, по мысли устроителей музея в старой Румынии, символизировать «прочность» монархии и ее «близость» к народу.

Здесь действительно можно увидеть образцы румынской деревенской архитектуры — деревянные и каменные одноэтажные и двухэтажные дома. Но в этой искусственной деревне раньше отсутствовали дома бедноты — все это были кулацкие постройки.

Чтобы сохранить для современников и потомков картины нищеты крестьян старой Румынии, на улицах этой деревни теперь установлены подлинные жилища крестьян — середняков и бедняков. Темные курные землянки, маленькие халявы без света с их жалким убранством доставлены из разных областей страны.

В новой румынской деревне навсегда исчезают эти покосившиеся памятники былой нищеты. Свои, вышедшие из народа архитекторы и художники складывают новые дома из камня и дерева с широким просторным балконом и открытым гостеприимным крыльцом. Большие окна окружены росписью, а стены выкрашены в яркие оранжевые и красные цвета. Такие новые дома мы видели по всем румынским селам и в лагнате многих румынских сел с их полями, с тракторами и первоклассными сельскохозяйственными машинами, передовой агротехникой, новыми школами и больницами, клубами и читальнями.

В одном из таких сел — Бобыльня, в Трансильвании, мы познакомились с жизнью передового коллективного хозяйства, основанного еще в 1949 году.

...Наши машины останавливаются около правления, расположенного в бывшем помещичьем доме. Три юных пионера с серебряными трубами и барабанами салютуют нам. Мы обнимаем этих пионеров, которые так похожи на наших. В это время от группы крестьян отделяется пожилая женщина, она торжественно несет блюдо с хлебом и солью, прикрывшим вышитым полотенцем.

Навстречу ей выходит член нашей делегации старый колхозник Бачуровский. Он Герой Социалистического Труда, широко известный в Советской Молдавии виноградарь, участник первой мировой войны и солдат Советской Армии, освободившей Румынию в 1944 году. С благоговением берет он блюдо из рук крестьянки и, обняв голову, целует хлеб С радостью принимает этот подарок, символизирующий искреннюю дружбу наших народов и мирный крестьянский труд.

Приветливый хозяева ведут нас по своим владениям.

Коллективное хозяйство в Бобыльня объединяет 103 семьи; вне его остались лишь четыре кулака (кулака). Уже вскоре после объединения крестьяне смогли убедиться в несравненных преимуществах коллективного земледелия. Урожай пшеницы поднялся до 18 центнеров с гектара, а

кукурузы — до 30—45 центнеров. С каждым годом все весомее становится труд...

В сопровождении большой группы крестьян мы осматриваем новые, недавно построенные удобные склады, конюшню, сарайники. Бирюк из этих построек крестьяне изготовили сами. В прошлом году хозяйство начало создавать ферму крупного рогатого скота, а в нынешнем — закладывает 4 гектара винограда.

Нас вводят в бывший помещичий дом. Здесь теперь детский сад. Помещательница с гордостью показывает нам комнаты, кровати, игрушки, рассказывает, что детей кормят четыре раза в день.

Мы спрашиваем, кому принадлежала здесь земля раньше. Оказывается, что все окрест — 1500 гектаров пахотной земли и мельница — было собственностью помещика-миллионера Виктора Корняша, а крестьяне имели лишь 150 гектаров земли. Сейчас они хозяева всех богатств вокруг.

...Мне, как представителю советской науки, больше всего пришлось общаться с румынскими учеными. В многочисленных дружеских беседах президент Академии наук Траян Савулеску с радостью говорил о новом этапе, переживаемом румынской наукой.

Научные учреждения республики пополняются сейчас за счет бурного притока новых сил талантливой молодежи. Они энергично включаются в социалистическое строительство, в борьбу за подъем и развитие народного хозяйства. Так, румынские геологи-нефтяники разрабатывают теорию об ограниченности нефтяных месторождений Румынии. Ныне эти ресурсы необычайно возросли. Почвоведы, которым в буквальном смысле слова нечего было делать в старой Румынии, интенсивно работают над вопросами повышения плодородия земель, борьбы с засухой.

Если старая Академия наук была лишь королевским клубом для небольшого круга ученых, то ныне она объединяет 24 института и насчитывает 96 действительных членов и членов-корреспондентов. В институты академии работают более 1700 научных сотрудников. Только за последние три с половиной года академия опубликовала в четыре раза больше научных трудов, чем за все годы своего существования в прошлом. Почетные Государственные премии, премии Академии наук ежегодно отмечают заслуги румынских ученых.

Большой и благородный труд лег сейчас на плечи румынских ученых по научному

обоснованию намеченных десятилетним планом электрификации и пятилетним планом развития народного хозяйства преобразования страны. Академия наук Румынии ставит своей задачей координацию и обобщение научных работ в помощь министерству сельского хозяйства. Уже сейчас вокруг нее объединилось более сотни ученых, работающих над проблемами орошения и осушения земли, борьбы с эрозией. Особенно большое внимание уделяется вопросам орошения Бургасской степи.

Надолго сохранился в моей памяти поездка совместно с президентом академии Т. Савулеску, министром сельского хозяйства К. Присия, румынскими учеными, работниками земледелия в Бургасскую степь, чтобы на месте, общими усилиями изучить малопродуктивное районирование Бургасской степи, наметить меры по борьбе с засолением почв. Сооружаемая в Биказе гидроэлектростанция имени В. И. Ленина даст вскоре Бургасской степи волю, и к ее правому берегу потянутся уже сейчас.

И вот 35 участников этой экспедиции двинулись на машинах из Бухареста в трехдневную поездку. Переодевая нас, группа геологов, почвоведов и гидрологов закладывала по нашему маршруту глубокие шурфы, вскрывающие почвенный покров и осязающие отложения Бургасской степи.

...Первый рабочий день нашей экспедиции подошел к концу. Уже темнело, когда машины прогнулись в обратный путь к месту ночлега. Завязались задушевные, так много дающие для взаимного обогащения беседы. Траян Савулеску рассказал о том, как много общих славянских слов есть в русском и румынском языках. Так, например, совсем по-славянски звучат такие географические названия, как станция «Сокола», местечко «Чернавода». Так же по-славянски звучат названия многих сельскохозяйственных орудий, растений, религиозных праздников. Слова «сужено» и «ошибочно» звучат по-румынски «требую» и «грешит», а «сужье» носит звучное название «пущка», «война» — по-румынски «срабат».

Совсем стемнело, когда мы приехали на место ночлега — в государственное хозяйство на берегу Дуная. Уже поздно вечером мы подвояли итоги рабочего дня. За столами располагались с записными книжками, тетрадями и картами участники

экспедиции. В напряженном труде прошла вторая и третья день экспедиции.

Довольные, полные впечатлений, возвращались мы в Бухарест. Президент академии и его спутники запевали песню. Что такое? Радостно забилось сердце, ведь это «Степь, да степь широкая...». Прекрасно понимал, что мои друзья хотят таким образом выразить свое внимание к гостю, к великой стране, которую он представлял. Но меня поразило и радовало также и то, как глубоко проникла русская речь, русская и советская песня в толщу румынского народа. Советские фильмы, радио доносили их в новую Румынию. Поездки румынских делегаций в СССР, призывы советских людей в Румынию также немало способствовали этому. Русскую песню, русскую музыку мы не раз слушали, ноту где-нибудь в селе, на репродукторах на железнодорожной станции, в исполнении молодежи хора на заводе или в воскресный вечер в Бургасском парке.

Совсем стемнело, наступал вечер. Т. Савулеску дает знак остановиться. Все выходит из машин.

— Знаете, где мы сейчас находимся? Перед нами поле провозопропного сражения, — это — Мартириш. 11 сентября 1879 года русская армия под командованием Александра Суворова разгромила здесь турецкую войска, положила начало освобождению румынского народа от иноземного рабства.

Громкие аплодисменты и крики «Слава русскому народу!» докочивают слова Савулеску. Мы обнимаем головы в памяти русских солдат — суворовских чудо-богатырей, в память великого полководца.

Решаем ехать в Римнику, там сооружен памятник А. В. Суворову. Была уже совсем глубокая ночь, когда мы прибыли на место. Формы наших машин ярко освещают величественный памятник, на котором высечены слова об исторических победах Суворова под Рымником.

Минута молчания у памятника еще раз убеждает нас в единстве наших чувств и мыслей. Каждый из нас в эти мгновения думал: священная дружба советского и румынского народов будет крепнуть изо дня в день на доброту, на счастье обоих народов.

Главный редактор К. СИМОНОВ.

Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН.